

УДК: 327

**Научное измерение культурной дистанции и культурных границ  
в практике международных отношений**

**О.В. Немцева, И.В. Михайлов, С.В. Гузенина**

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина  
г. Тамбов, Россия*

**Аннотация:** Данное исследование является актуальным, поскольку в современном мире наличие у людей разных культурных ценностей по-прежнему способно привести их, как минимум, к нежеланию устанавливать дипломатические и межличностные контакты друг с другом, а как максимум, к возникновению между ними военной конфронтации. В работе представлены конкретные примеры проявления рассматриваемых феноменов в международных отношениях. В результатах исследования отражены уровни анализа и практической политики явления культурной дистанции и культурных границ.

**Ключевые слова:** Культурная дистанция; интолерантное отношение; взаимодействие; уровень анализа; мигранты.

**Для цитирования:** Немцева О.В., Михайлов И.В., Гузенина С.В. Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений // Caucasian Science Bridge. 2020, Т. 3. №4 (10). С. 36-47.

**Scientific measurement of cultural distance and cultural boundaries  
in the practice of international relations**

**Olesya V. Nemtseva, Igor V. Mikhailov, Svetlana V. Guzenina**

*Derzhavin Tambov State University  
Tambov, Russia*

**Abstract:** This study is relevant, because in the modern world, the presence of different cultural values among people can still lead them, at least, to an unwillingness to establish diplomatic and interpersonal contacts with each other, and at most, to the emergence of a military confrontation between them. The study presents specific examples of the phenomena under consideration in international relations. The results of the study reflect the levels of analysis and practical policy of the phenomenon of cultural distance and cultural boundaries.

**Keywords:** cultural distance; intolerant attitude; interaction; level of analysis; migrants.

**For citation:** Nemtseva O. V., Mikhailov I. V., Guzenina S. V. Scientific measurement of cultural distance and cultural boundaries in the practice of international relations // Caucasian Science Bridge. 2020, Vol. 3. №4 (10). P. 36-47.

Термин «культурная дистанция» впервые был введён во второй половине XX века британскими социологами И. Бабикиром, Дж. Коксом и П. Миллером в работе «Измерение культурной дистанции и её связь с медицинскими консультациями, симптоматологией и экзаменационной успеваемостью иностранных студентов Эдинбургского университета», изданной в 1980 году. В указанной работе иностранные специалисты пришли к выводу, что от того насколько существенна разница между культурными особенностями принимающей страны и прибывшего в неё иностранца, зависит уровень тяжести потенциальных психологических проблем, которые у данного человека могут возникнуть в процессе адаптации к новым условиям жизни. В качестве обоснования своей теории британские учёные использовали проведённое ими исследование, где они анализировали, как оторванность от собственной культурной среды влияет на появление у иностранцев депрессивного состояния и потребности в посещении психолога (*Babiker, 1980, P. 115-116*).

В 1996 году американский политолог и социолог С. Хантингтон издал объёмный труд «Столкновение цивилизаций», в котором также говорится о проблеме культурной дистанции.

В своей работе С. Хантингтон рассуждает о концепции универсальной цивилизации, предполагающей создание общемировой культуры, в рамках которой индивиды будут общаться на одном языке, являться последователями одного вероисповедания и в целом придерживаться одинаковых ценностей. В условиях существования универсальной цивилизации между народами по определению не возникает культурная дистанция, так как культурные нормы являются общими для всех. По этой же причине общество универсальной цивилизации характеризуется высоким уровнем взаимной толерантности.

На первый взгляд складывается впечатление, что государства должны стремиться к универсализации культуры, поскольку это позволило бы избежать конфликтов на культурной почве. Однако американский политолог и социолог объясняет, почему концепция универсальной цивилизации является неэффективной и не способна повлиять на устранение культурной дистанции.

С. Хантингтон пишет, что существует мнение, согласно которому единую мировую культуру формирует информация, которой обмениваются нации в процессе торговых взаимодействий, туризма, взаимных инвестиционных вложений, то есть в процессе международного общения. Автор доказывает несостоятельность этой точки зрения, приводя конкретные исторические примеры и ссылаясь на то, что нации способны сначала плодотворно сотрудничать друг с другом, а затем уничтожать друг друга в войнах (*Хантингтон, 2003, С. 34-36*).

До распада биполярной системы международных отношений в 1991 году многие люди считали, что существуют только две влиятельные идеологии – коммунистическая и либеральная, которой придерживались на Западе. После распада Советского Союза возникло предположение, что теперь сложится единая общемировая культура, построенная на принципах либеральной демократии западных стран. Однако после развала биполярной системы международных отношений стало очевидным, что существуют и другие влиятельные идеологические течения и неправильно полагать, что носители азиатских и мусульманских ценностей начнут проникаться моральными устоями Запада и отказываясь от своих, тем самым сокращая культурную дистанцию.

Американский специалист указывает на то, что менее развитые нации склонны перенимать культурные ценности более развитых наций, поскольку они считают, что если станут руководствоваться их моральными принципами, то будут в состоянии добиться схожего уровня экономического и политического развития.

Подобный подход должен положительным образом влиять на сокращение культурной дистанции, однако историческая ретроспектива демонстрирует, что в случае, если менее развитые державы с течением времени становятся влиятельными, они начинают утверждать, что достигли успеха благодаря вере в собственные идеалы и начинают активно критиковать культурные ценности тех государств, на которые они ровнялись. Как итог, культурная дистанция между ними снова становится значительной, а уровень взаимной интолерантности возрастает (*Хантингтон, 2003, С. 54*).

Альтернативным вариантом цивилизационного подхода выступает концепция мультикультурализма, главными идеологами которой являются канадские философы Ч. Тэйлор и У. Кимлики и американский политолог Ч. Кукатас, работавшие над ней в 1990-х годах.

Согласно У. Кимлику, концепция мультикультурализма базируется на демократических принципах, обеспечивающих защиту интересов иностранных граждан и влияющих положительным образом на дальнейшее развитие общества того или иного государства (*Кимлика, 2007, С. 77*).

Ч. Тэйлор утверждал, что смысл понятия мультикультурализма заключается в том, что оно представляет собой стремление культурных меньшинств бороться за равноправие в обществе и, чтобы при этом местные жители признавали их индивидуальность (*Taylor, 1992, P. 52*).

Ч. Кукатас выделял несколько вариантов возможной реакции общества на интеграцию иностранцев в их культуру (*Кукатас, 2009*).

1) Вариант «мягкого» мультикультурализма, в соответствии с которым общество не выступает против ассимиляции иностранных граждан, а скорее поддерживает данное явление. Правительство страны-реципиента предоставляет меньшинствам права, являющиеся равными правам остальной части общества, и не пытается влиять на самобытность новой культурной группы.

При полноценном применении данного варианта происходит бесконфликтное сокращение уровня культурной дистанции, а общество характеризуется наличием высокого уровня толерантности между коренным населением и иностранными гражданами.

2) Принцип «жесткого» мультикультурализма, строящийся на идеи о том, что принимающее общество и правительство будут оказывать поддержку малочисленным культурным группам. Но в отличие от предыдущего варианта правительства стран-реципиентов должны проводить конкретные мероприятия по повышению уровня толерантности коренного населения к меньшинствам, а не ограничиваться лишь моральной поддержкой, допускаемой в случае применения «мягкого» мультикультурализма.

3) Изоляционистский вариант. По мнению Ч. Кукатаса, возникновение рассматриваемого варианта является наиболее вероятным. Изоляционизм предполагает стремление национального правительства и общества в целом не допустить миграцию на территорию их государства. Это желание обуславливается различными причинами, например, опасением привилегированных социальных слоёв лишиться своего выгодного положения в обществе в случае появления новых культурных групп. Но главная причина состоит в том, что государство боится резкого изменения социальной структуры общества в связи с притоком иностранных граждан.

При данном раскладе коренное население склонно проявлять интолерантное отношение к мигрантам, что прямым образом влияет на сохранение между ними весомой культурной дистанции.

4) Вариант ассимиляторства, предполагающий предоставление иностранным гражданам возможности миграции на территорию их страны, правительство при этом осуществляет внутреннюю политику, направленную на ассимиляцию данных иностранцев (лишение их культурных групп отличительных черт).

В этом случае культурная дистанция между коренным населением и иностранными гражданами со временем сокращается, однако подобное сокращение связано не с достижением высокого уровня толерантного отношения друг к другу, а с утратой мигрантскими группами своих культурных особенностей.

5) Вариант апартеида, при котором государство не выступает против миграции иностранных граждан, но выступает против их ассимиляции. Указанное явление характеризуется этнической и культурной дифференциацией общества.

При апартеиде проявляется максимальный уровень интолерантного отношения между титульной нацией государства и иностранцами, чьи человеческие права притесняются, вплоть до физического воздействия.

Английский психолог Дж. Берри продолжил изучение феномена культурных границ и в 1997 году представил своё исследование, в котором провёл анализ особенностей этого явления (*Berry, 1997, P. 14-17*). Дж. Берри подчёркивал, что наличие

культурных границ вынуждает мигранта изменять свои моральные убеждения в соответствии с новыми культурными условиями. Индивиду необходимо провести глубинное исследование культуры, принимающего его государства. Данные границы осложняют процесс социализации и налаживания личных взаимоотношений. Наличие культурной дистанции способно влиять на возникновение конфликтных ситуаций между представителями разных культур.

В XXI веке проблематика феномена культурной дистанции и её влияния на уровень толерантности между людьми разных культурных групп не потеряла своей актуальности.

В 2003 году психолог С. Боцнер пришёл к выводу, что понятия культурной дистанции и культурных границ тесно связаны с понятием культурного шока, подразумевающего, что при попадании в незнакомую культуру иностранец испытывает чувство сильной тревоги, поскольку он лишается обыденных для него проявлений социокультурного взаимодействия (*Bochner, 2011, P. 6-7*).

Поскольку указанные понятия имеют тесную взаимосвязь, проанализировав причины, влияющие на возникновение состояния культурного шока, можно провести аналогию и объяснить формирование явления культурной дистанции. Было отмечено несколько подобных причин, формирующих культурную дистанцию: во-первых, между иностранцами и гражданами страны-реципиента возникает конфликт ценностей, основанный на взаимном непонимании культурных установок друг друга. Это непонимание способно привести к формированию низкого уровня толерантности со стороны принимающего государства по отношению к иностранному гражданину. Во-вторых, культурная дистанция формируется из-за слабо развитых социальных способностей отдельных индивидов, которые испытывают больше проблем в процессе адаптации. В подобной ситуации человек начинает придерживаться этноцентризма, то есть рассматривать новые обстоятельства своей жизни через призму моральных норм родной культуры и отказываться принимать культурные особенности чужой страны. В-третьих, культурный шок так же, как и культурная дистанция в состоянии возникнуть из-за нежелания представителей принимающей стороны помочь иностранцам с процессом адаптации (*Путерова, 2014, С. 8-9*). Возникновение подобной ситуации напрямую свидетельствует о низком уровне толерантности в принимающем иностранца обществе.

В процессе изучения рассматриваемого феномена представители западной общественной мысли пришли к выводу, что культурная дистанция является измеримой величиной и существует несколько подходов к её измерению.

С целью анализа того, насколько культурные и социальные аспекты страны-хозяйки отличаются от родины иностранца основатели рассматриваемого понятия И. Бабицер, Дж. Кокс и П. Миллер ещё в 1980 году разработали «индекс культурной дистанции», базирующийся на таких категориях, как языковые особенности, религиозная составляющая и климатические условия (*Bochner, 2011. P. 117*). Указанный вид исследования предполагал дифференциацию мигрантов на несколько групп в зависимости от степени близости их культуры с культурой принимающего государства, после чего происходил анализ отличий между ними по ранее изложенным категориям. По итогу работы И. Бабицер, Дж. Кокс и П. Миллер доказали справедливость их теории о культурной дистанции и границе, поскольку оно продемонстрировало, что количество различий в культурах принимающего и родного государства напрямую влияет на объём затруднительных ситуаций, с которыми иностранец может столкнуться в повседневной жизни, а также на уровень интолерантности, возникающей по отношению к иностранному гражданину.

В XXI веке были разработаны альтернативные способы измерения культурной дистанции.

В 2009 году учёные И. Сюанет и В. Вивер отметили, что культурная дистанция может измеряться на основе таких составляющих, как внутренний валовый продукт, моральные ценности и пропорции неравномерности распределения доходов среди населения. Культурная дистанция также может быть измерена посредством применения классификации Г. Хофстеде, которая учитывает следующие параметры: сила воли, рациональное мышление и отдалённость от правящего режима (*Suanet, 2009, P. 185-187*).

По мнению эксперта в области межнационального взаимодействия Р. Льюиса, имеющиеся на данный момент культуры делятся на три вида: во-первых, моноактивные культуры, к которым относятся американская, английская и немецкая нация. Особенность этой культуры состоит в том, что её представители считают важным планирование своей жизни, ценят организованность и пунктуальность. Во-вторых, полиактивные культуры, представителями которых являются латиноамериканские, арабские и южноевропейские народы. Указанная культура характеризуется активным, эмоциональным поведением, отсутствием чёткого плана на жизнь, спокойным отношением к необходимости выполнять несколько задач одновременно. В-третьих, реактивные культуры, к которым принадлежат азиатские народы (японцы, китайцы) и скандинавы. Главные ценности данной культуры – это уважение и вежливость. Она отличается уравновешенностью и осторожностью (*Льюис, 2001, С. 227*).

Как подчёркивает Р. Льюис, представителям разных культур не всегда удаётся наладить плодотворное сотрудничество, поскольку им трудно принять ментальные особенности друг друга. С целью снижения риска возникновения конфликтных ситуаций между ними международное сообщество разработало общие нормы и правила поведения. Однако они не гарантируют полного исключения культурного фактора из международного общения (*Льюис, 2001, С. 228*).

В российской этносоциологии также занимаются изучением феноменов культурной дистанции и культурных границ, и их влияния на измерение толерантности.

В 1993 году психолог и социолог Н.М. Лебедева впервые применила понятия культурной дистанции и культурных границ в российской этнопсихологической науке на примере адаптации представителей русского народа к культурам стран, образовавшихся после распада Советского Союза. В отличие от своих британских коллег Н.М. Лебедева пришла к выводу, что наличие условий, при которых присутствует значительная культурная дистанция, не свидетельствует о том, что индивид в обязательном порядке столкнётся с негативным отношением к нему со стороны местного населения, то есть интолерантностью (*Лебедева, 1993, С. 71-72*). Явления культурной дистанции и культурных границ влияют на трансформацию некоторых социальных индикаторов, таких как количество положительных заимствований из культуры другого этноса, восприятие конкретным человеком культурно-психологической схожести, количество одинаковых черт с людьми, относящихся к иным группам того же этноса. По мнению Н.М. Лебедевой, понятие «культурная дистанция» трактуется, как понимание людьми того, что культуры отличаются друг от друга по определённым критериям (*Лебедева, 1993, С. 75-78*).

В 2004 году российский социолог А.М. Татарко подчёркивала, что в случае, если культурные особенности принимающей страны отличаются от культурных особенностей государства иностранца, то велика вероятность, что у него начнут проявляться признаки психологической защиты, которая способна отрицательно повлиять на его взаимодействие с местным населением (*Татарко, 2004, С. 52-56*). В россий-

ской этносоциологии проблемы культурной дистанции и её измерения изучали в меньшей степени, чем в зарубежной.

Говоря о культурной дистанции и культурных границах, важно отметить, что данная проблематика в международных отношениях не разработана, однако примеры наличия такой дистанции существуют. Также эти феномены характеризуются многогранностью и наличием нескольких уровней их анализа и практической политики, которые можно разделить следующим образом:

- 1) Межличностное взаимодействие;
- 2) Взаимодействие различных государств;
- 3) Взаимодействие цивилизаций.

Первый уровень анализа и практической политики получил свою актуальность после распада биполярной системы международных отношений в 1992 году, в Европейском союзе. В этот же период данное интеграционное объединение взяло концепцию мультикультурализма за основу своей миграционной политики.

В 1990-х годах в страны ЕС начали массово мигрировать граждане восточноевропейских и африканских государств (*Малахов, 2002, С. 52*). Евросоюз ожидал, что уже в скором времени концепция мультикультурализма начнёт демонстрировать свою эффективность и культурная дистанция между иностранцами и принимающими странами-участниками Европейского союза в значительной степени сократиться, а уровень толерантности повыситься. На практике данная концепция не показала ожидаемых результатов, а проблема наличия культурных границ не утратила своей остроты.

Как подчёркивает бывший мэр немецкого округа Берлин-Нойкельн Х. Бушковски, несмотря на созданные для иностранных граждан условия, представители арабских государств, проживающие в Германии, не желают получать образование, изучать местные традиции и язык, то есть не стремятся к интегрированию в немецкое общество. Иностранцы, представляющие старшее поколение, внушают детям, что немцы представляют для них опасность. В результате культурная дистанция не только не сокращается, но и становится более весомой, а концепция мультикультурализма демонстрирует свою слабую эффективность. При этом складывается специфическая ситуация, при которой целые группы мигрантов, проживающие в европейских странах, стали менее толерантно относиться к местному населению (*Bushkovsky, 2012, P. 54-55*).

Как итог, в 2010 году канцлер Германии Ангела Меркель заявила о провале политики мультикультурализма (*BBC News, 2010*).

Неэффективность концепции мультикультурализма вновь подтвердилась во время миграционного кризиса Европейского союза 2015 года, когда из-за ряда политических причин в государства данного интеграционного объединения мигрировали приблизительно два миллиона человек, преимущественно являвшихся представителями ближневосточных и африканских стран. Обусловлено это было тем, что европейские страны, обладающие высоким уровнем экономического развития и имеющие либеральное миграционное законодательство, стали наиболее предпочтительным вариантом для переселения в них. Европейский Союз не был готов к подобному миграционному потоку и не сумел обеспечить грамотное распределение мигрантов.

По мнению российского историка и политолога О.П. Бибиковой, одним из самых резонансных событий в ходе обозначенного кризиса стали беспорядки в немецком городе Кёльн. Во время новогодних гуляний сирийские, иракские граждане, а также представители некоторых североафриканских народов нападали на женщин и занимались сексуальным домогательством, которое привело к тому, что были изнасилованы две девушки. Эти события отрицательно повлияли на толерантное отно-

шение европейцев к иностранцам, что в полной мере подтверждается активизацией националистического движения в Европе (Бибикова, 2016, С. 68-69).

Подобное поведение иностранцев было обусловлено наличием культурной дистанции. Представители ранее указанных народов являются последователями мусульманского вероисповедания. В исламе мужчины занимают более привилегированное положение в обществе, чем женщины. Анализируя ситуацию с сексуальными домогательствами, которые совершали представители мусульманского вероисповедания по отношению к европейским женщинам, важно обратить внимание на тот факт, что, во-первых, согласно Корану женщины имеют право демонстрировать свою красоту только мужу и самым близким родственникам. Во-вторых, мужья имеют право скрыть внешность своих жён от внимания других мужчин. По этой причине в мусульманских странах является нормой, когда женщины носят хиджаб. Как отмечал имам исламской мечети в Кёльне, европейские женщины были сами виноваты в том, что мусульманские мужчины совершали акты сексуального насилия по отношению к ним, поскольку они были слишком откровенно одеты и пользовались духами. Сириец С. Адель, давно живущий в Европе, указывал на то, что для новых мигрантов наличие даже небольшого участка на теле девушки, неприкрытого одеждой, воспринимается как призыв к интимной близости (Artus, 2016).

В данном примере наглядно демонстрируется проявление культурной дистанции и границы между представителями разных народов. Носителям мусульманских ценностей не хватило времени для того, чтобы осознать и принять нормы и особенности общества, которое живёт по иным правилам. В результате возникла ситуация, что люди, обладающие европейским менталитетом, восприняли поведение мигрантов, как крайне неподобающее и стали относиться к ним менее толерантно, в то время как определённая часть мусульманского мира оправдывала их поведение. Культурная дистанция, проявившаяся в указанном инциденте, оказала влияние на международные отношения, так как страны-члены Европейского Союза начали более активно взаимодействовать между собой в целях урегулирования миграционного кризиса, а также стали ужесточать миграционное законодательство своих государств.

В 2017 году специалист ИМЭМО РАН Г. А. Монусова провела исследование, показавшее, что больше всего опасается за утрату своей национальной идентичности коренное население Германии, Нидерландов, Норвегии и др. Для чехов, эстонцев и поляков больше, чем для остальных национальностей, проживающих на территориях стран-участниц ЕС важно, чтобы мигранты придерживались вероисповедания, последователями которого являются они (христианство). К мигрантским группам, подходящих под этот критерий, представители указанных народов имеют более толерантное отношение, поскольку между ними меньшая культурная дистанция (Монусова, 2017).

В 2019 году правительство Швеции официально опубликовало статистику, отразившую, что за последние годы увеличилось количество преступлений, совершаемых мигрантами. Шведские власти подчеркнули, что рост мигрантской преступности не связан с культурными или этническими факторами, отмечая, что он обусловлен социально-экономическими проблемами такими как безработица, низкий уровень образовательных организаций и т.п. На самом деле, фактом является то, что в Швеции один из самых низких уровней безработицы в Европе, а шведское образование считается одним из самых лучших в Европейском Союзе. Несложно предположить, что в основе преступлений, совершаемых шведскими мигрантами, лежат именно культурные противоречия, имеющиеся между ними и коренным населением. Как пример, согласно статистическим данным, представленных Швецией, число преступ-

лений, имеющих сексуальный характер, в период с 2013 по 2016 год увеличилось в пять раз. Роль культурного фактора, влияющего на совершение обозначенных преступлений, была описана ранее на примере Германии (*Рамблер Новости, 2019*).

Описанные примеры, в которых раскрывается степень влияния культурной дистанции и культурных границ на народы, государства и международные отношения в целом, связаны с деструктивными последствиями. С целью более глубокого анализа заявленной проблемы следует привести пример, когда фактор значительной культурной дистанции между народами был преодолен и не повлиял на формирование взаимной интолерантности.

В качестве показательного примера преодоления культурной дистанции можно привести внутреннюю политику Канады, являющейся многокультурной страной. В данном государстве нет титульной нации, канадцами считаются представители любых этносов при условии наличия у них канадского гражданства. Несмотря на проживание в стране людей разных национальностей, на её территории практически не возникают конфликты, обусловленные культурными противоречиями между народами. Связано это с грамотной внутренней политикой Канады, направленной на сокращение уровня культурной дистанции между людьми. Так, например, в течение года в этом североамериканском государстве проходят многочисленные национальные фестивали, организуемые представителями разных наций. Цель подобных фестивалей заключается в том, чтобы люди стали лучше осознавать культурные ценности и обычаи других этносов. Единственным очагом сепаратистского движения является провинция Квебек, которая исторически более близка к Франции и где большинство людей разговаривают на французском. Несмотря на это, на последнем референдуме в 1995 году большинство жителей Квебека выступили за то, чтобы остаться в составе Канады. Кроме того, между жителями указанной провинции и федеральным центром не происходит вооружённых столкновений, что свидетельствует о том, что сложившаяся ситуация является не критичной (*Треглазова, 2012, С. 3-4*).

Как итог, канадское общество характеризуется наличием высокого уровня толерантности среди его представителей, а сама Канада на сегодняшний день является одной из самых развитых экономических стран и крайне привлекательным местом для мигрантов (*Нохрин, 2012, С. 132-137*).

Рассмотрим второй уровень анализа феноменов культурной дистанции и границ, связанный с взаимодействием государств.

По мнению американского политолога и социолога С. Хантингтона, после складывания однополярного миропорядка с ведущей ролью в нём Соединенных Штатов, появилась тенденция к тому, что государства, имеющие похожие культуры, всё чаще стали сокращать имеющуюся между ними культурную дистанцию, повышать уровень взаимной толерантности и объединяться (*Хантингтон, 2003, С. 75*). В свою очередь, страны, обладающие разными культурными ценностями, наоборот стали нацелены на дезинтеграцию. Автор подчёркивает, что в современных реалиях политические рамки государств видоизменяются для того, чтобы совпасть с культурными.

Американский специалист приводит конкретные примеры влияния культурной дистанции и культурных границ на международные отношения. Такие государства, как Швеция, Финляндия и Австрия по своим культурным особенностям ближе к Западу, но в период холодной войны они заняли нейтральную позицию из-за чего отделились от него и между странами возросла культурная дистанция. После завершения холодной войны указанные державы сразу же начали сближаться с другими европейскими странами и США.

Аналогичный процесс произошёл с государствами бывшего социалистического блока (Чехия, Польша, Словакия, Венгрия), которые продолжительное время находились под влиянием советской власти, вследствие чего в их обществе формировалось интолерантное отношение к Западу. Однако после ослабления влияния СССР данные государства изъявили желание интегрироваться в Европейский Союз и сблизиться с НАТО, так как будучи протестантскими и католическими странами, они в культурном отношении были ближе к указанным объединениям, чем к государствам СНГ. Как итог, культурная дистанция между странами бывшего коммунистического блока и Запада стала сокращаться, а уровень взаимной толерантности увеличиваться.

Похожая ситуация произошла с балканскими странами. После распада Югославии Российская Федерация стала поддерживать Сербию, так как эти государства объединяет православная вера, и жители этих государств в основной массе относятся друг к другу уважительно и толерантно. Германия стала поддерживать хорватское государство, поскольку их объединяет католическое вероисповедание. Мусульманские державы оказали поддержку Боснии и Герцеговине.

После завершения холодной войны у разных в культурном плане Греции и Турции, входящих в состав Североатлантического альянса, пропала необходимость в сотрудничестве, и между ними возобновился конфликт из-за территориальных споров в Эгейском море. Без сдерживающего фактора в лице потенциальной советской угрозы между государствами вновь возрос уровень культурной дистанции и сформировалось интолерантное отношение друг к другу (*Хантингтон, 2003, С. 76-77*).

После распада биполярной системы международных отношений, а в частности СССР, такие государства, как Беларусь и Украина проявили желание установить дружественные отношения с Российской Федерацией, что было обусловлено общностью культур. Мусульманские страны, входившие в состав Советского Союза, начали сблизиться с другими странами, где исповедуют ислам (Саудовская Аравия, Иран и т.д.).

Европейский Союз на протяжении уже не одного десятилетия не стремится принимать в свои ряды Турцию и Боснию, и Герцеговину. Обусловлено это нежеланием ЕС, где все страны являются христианскими, включать в свой состав мусульманские государства из-за высокого уровня культурной дистанции между ними и не самого толерантного отношения друг к другу.

Как отмечает С. Хантингтон, во многом создание влиятельного интеграционного объединения Латинской Америки «Меркосур» стало возможным из-за общности культур государств данного региона и наличия между ними не столь значительной культурной дистанции (*Хантингтон, 2003, С. 76-77*).

Цивилизационный уровень анализа феноменов культурной дистанции и культурных границ связан с цивилизационными разломами, представляющими собой конфликты цивилизаций, имеющих разные культурные ценности. Наличие подобной конфронтации обуславливает возникновение между ними значительной культурной дистанции и повышение уровня взаимной интолерантности.

В начале XXI века особенно стал актуален конфликт Запада и Исламского мира, прежде всего, речь идёт о противостоянии носителей западных ценностей с радикальными исламистами, по мнению которых представители Запада являются «неверными» из-за своих моральных ориентиров.

В качестве проявления противостояния Западного и Исламского мира стоит вспомнить теракт 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, по официальной версии организованный участниками запрещённой в РФ террористической организации «Аль-Каида», пропагандирующей идеи ваххабизма. Данное событие спровоцировало пра-

вительство США на организацию боевых действий в Афганистане, которые не прекратились по состоянию на сегодняшний день, и в ходе которых гибнут невинные люди. В результате цивилизационный разлом между Западом и Исламским миром становится только сильнее, а уровень взаимной интолерантности между ними продолжает расти (*Хантингтон, 2003, С. 85*).

Таким образом, можно сказать, что явления культурной дистанции и культурных границ начали активно изучаться в последней четверти XX века.

Фактор культурной дистанции оказывает весомое влияние на формирование интолерантного отношения к иностранцам со стороны принимающего государства. Проблематика влияния культурной дистанции на международные отношения является не разработанной с научной точки зрения, однако существуют примеры реального наличия данной дистанции, оказывающей существенное влияние на качество взаимодействия различных культурных групп. Анализ показал, что в большинстве случаев наличие культурной дистанции и культурных границ непосредственно обуславливает снижение уровня толерантности между носителями разных традиций и имеет негативные последствия для людей с противоположными ценностями.

Феномены культурной дистанции и культурных границ характеризуются своей многогранностью и наличием конкретных уровней их анализа:

- Межличностное взаимодействие;
- Взаимодействие различных государств;
- Взаимодействие цивилизаций.

Наиболее ярким примером влияния феноменов культурной дистанции и культурных границ на международные отношения в контексте первого уровня их анализа стали миграционные проблемы Европейского союза, возникшие после распада bipolarной системы международных отношений, в особенности они проявились во время миграционного кризиса 2015 года, когда в странах Европейского Союза на регулярной основе начали происходить столкновения между мигрантами и коренным населением из-за наличия у них разных культурных норм.

Однако Канада, на территории которой мирно проживает множество разных народов, является примером успешного преодоления культурной дистанции и культурных границ и снижения уровня взаимной интолерантности. Главным механизмом преодоления культурной дистанции и формирования толерантного отношения выступает грамотная внутренняя политика правящей власти Канады.

Примером влияния феноменов культурной дистанции и культурных границ на международные отношения в контексте второго уровня анализа стала мировая политическая ситуация, возникшая после распада bipolarной системы международных отношений в 1991 году, когда преимущественно европейские государства, начали активно сближаться с теми странами, которые были более близкими для них в культурном плане, но к которым у них ранее было интолерантное отношение, возникшее из-за давления на них со стороны двух сильнейших идеологических блоков, возглавляемых СССР и США.

Примером третьего уровня анализа изучаемых феноменов служит идеологическое противостояние между Западным и Исламским миром, имеющее долгую историю противостояния, но особенно обострившееся в начале XXI века. Подобное противостояние также характеризуется наличием значительной культурной дистанции между представителями разных цивилизаций и их интолерантным отношением друг к другу.

**ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS****Немцева Олеся Владимировна**

Студент

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: nemtsevaol1999@gmail.com

**Nemtseva Olesya Vladimirovna**

Student

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: nemtsevaol1999@gmail.com

**Михайлов Игорь Владимирович**

Кандидат исторических наук,

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

**Mikhailov Igor Vladimirovich**

Candidate of Historical Sciences,

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: m.i.v.2000@mail.ru

**Гузенина Светлана Валерьевна**

Доктор социологических наук,

Факультет истории, мировой политики и социологии,

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

**Guzenina Svetlana Valeryevna**

Doctor of Sociological Sciences,

Faculty of History, World Politics and Sociology,

Derzhavin Tambov State University

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

**Литература**

1. Бибикова О.П. Миграционный кризис 2015 г. в Европе и его последствия // Актуальные проблемы Европы. 2016. С. 61–81.

2. До Европы дошел масштаб совершаемых мигрантами преступлений (2019). Режим доступа: <https://news.rambler.ru/other/43207775-do-evropy-doshel-masshtab-sovershaemyh-migrantami-prestupleniy/>.

3. Кимлика У. Политики на местном языке: национализм, мультикультурализм, гражданство // Дискурс-Пи. 2007. С. 71–82.

4. Кукутас Ч. Теоретические основы мультикультурализма. М., 2009.

5. Лебедева Н.М. Социальная психология миграций. М.: Институт этнологии и антропологии, 1993. 195 с.

6. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М: Дело, 2001. 448 с.

7. Малахов В. С. Мультикультурализм и трансформация постсоветских общностей // М: Институт этнологии и антропологии РАН. 2002. 356 с.

8. Моусова Г. А. Что думают о мигрантах в Европе // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (2017). Режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/204070771.html>.

9. BBC News (2010). Режим доступа: [https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016\\_merkel\\_multiculturalism\\_failed](https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed).

10. Нохрин И. М. Общественно-политическая мысль Канады и становление национального самосознания (последняя треть XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Челябинск, 2011.

11. Питерова А. Ю. Культурный шок: особенности и пути преодоления // Наука. Общество. Государство. 2014. С. 1–14.

12. Татарко А.Н. Взаимосвязь этнической идентичности и психологических стратегий межкультурного взаимодействия: автореф. дис. ... кандидата исторических наук. Москва, 2004.

13. Треглазова Е.В., Исаков Н.В. Квебекский сепаратизм как проблема канадской федерации // Социально-гуманитарные знания. 2012. С. 1–7.

14. Хантингтон С. Ф. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.

15. Artus C. Pour l'imam de Cologne, les Allemandes l'ont bien cherché // Boulevard Voltaire, 2016.

16. Babiker, I., Cox, J., Miller, P. The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University // *Journal of Social Psychiatry*. 1980. №15. P. 109-116.
17. Bochner S. *Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures* // *Psychology and Culture*. The Berkeley Electronic Press. 2011. P. 37.
18. Bushkovy H. *Neuköllnistüberall* // Berlin: Ullstein. 2012.
19. John W. Berry. *Immigration, Acculturation, and Adaptation* // *Applied psychology: an international review*. 1997. P. 5-68.
20. Suanet, I., & van de Vijver, F. J. R. Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2009. P. 182-197.
21. Taylor Ch. *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. NJ: Princeton, Princeton University. 1992. 162 p.

### References

1. Bibikova, O. P. (2016). Migration crisis of 2015 in Europe and its consequences. *Actual problems of Europe*, P. 61-81.
2. Rambler News (2019). Available at: <https://news.rambler.ru/other/43207775-do-evropy-doshel-masshtab-sovershaemyh-migrantami-prestupleniy/>.
3. Kymlicka, W. (2001). *Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford University Press, P. 71-82.
4. Kukatas, Ch. (2009). *Theoretical Foundations of Multiculturalism*.
5. Lebedeva, N. M. (1993). *Social psychology of migrations*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology.
6. Lewis. R. (2001). *Business Cultures in International Business. From collision to mutual understanding*. M: Delo.
7. Malakhov, V. S. (2002). *Multiculturalism and transformation of post-Soviet communities*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
8. Monusova, G. A. (2017). What do they think about migrants in Europe. *National Research University "Higher School of Economics"* (2017). Access mode: <https://iq.hse.ru/news/204070771.html>.
9. BBC News (2010). Available at: [https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016\\_merkel\\_multiculturalism\\_failed](https://www.bbc.com/russian/international/2010/10/101016_merkel_multiculturalism_failed).
10. Nokhrin, I. M. (2011). *Socio-political thought of Canada and the formation of national self-consciousness (the last third of the XIX-beginning of the XX centuries)*. (Doctoral Dissertation, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk).
11. Piterova, A. Yu. (2014). *Cultural shock: features and ways to overcome it*. The science. Society. State, P. 1-14.
12. Tatarko, A. N. (2004). *Interrelation of ethnic identity and psychological strategies of intercultural interaction*. (Doctoral Dissertation, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow).
13. Treglazova, E. V., Isakov N. V. (2012) Quebec separatism as a problem of the Canadian Federation. *Social and humanitarian knowledge*. P. 1-7.
14. Huntington, S. F. (2003). *Clash of civilizations*. Moscow: AST.
15. Artus, C. (2016). *Pour l'imam de Cologne, les Allemandes l'ont bien cherché*. Boulevard Voltaire.
16. Babiker, I., Cox, J., Miller, P. (1980). The measurement of cultural distance and its relationship to medical consultation, symptomatology, and examination performance of overseas students of Edinburgh University. *Journal of Social Psychiatry*, No. 15, P.109-116.
17. Bochner, S. (2011). *Culture Shock Due to Contact with Unfamiliar Cultures*. *Psychology and Culture*. The Berkeley Electronic Press.
18. Bushkovy, H. (2012). *Neuköllnistüberall*. Berlin: Ullstein.
19. Berry, J. (1997). *Immigration, Acculturation, and Adaptation*. *Applied psychology: an international review*, P. 5-68.
20. Suanet, I., van de Vijver, F. J. R. (2009). Perceived cultural distance and acculturation among exchange students in Russia. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, P. 182-197.
21. Taylor, Ch. (1992). *Multiculturalism and the «Politics of Recognition»*. NJ: Princeton, Princeton University.

**Поступила в редакцию**

**28 сентября 2020 г.**